

Если бы не то, что рысёнок стеснялся и попытка его обнять могла спугнуть, Мэн Чжэнь бы уже схватил его. Он с трудом сдерживал себя, расспрашивая Гу Тина, где тот встретил это маленькое создание, какая у них история и как такой милый зверёк оказался у него дома. Гу Тин с улыбкой отвечал на каждый вопрос, и они вместе придумывали красивое и значимое имя, пробуя разные варианты, чтобы рысёнок мог выбрать.

За окном шел лёгкий снег, холодный свет, преломляясь, становился тёплым и падал на лица Мэн Чжэня и Гу Тина. Их черты были словно написаны кистью, улыбки светились, словно согревая всё вокруг.

Мэн Цэ позволил им наслаждаться моментом — времени ещё было достаточно, и он не торопился. Пусть попрощаются как следует. Он без труда нашёл кухню, взял кувшин вина и, согнув одну ногу, небрежно уселся на перила, наслаждаясь видом на двор в снегу и медленно потягивая напиток.

Но снегом он успел полюбоваться недолго, лишь пару глотков вина, как рядом повеяло холодом — кто-то появился.

Это был Хо Янь.

Он ворвался, неся с собой запах пограничных ветров, в непоправленном платье.

Мэн Цэ повернул голову, взглянул на него и тут же понял. Подперев подбородок рукой, он с усмешкой сказал: «Так быстро примчался. На Яростном Ветре, поди?»

Конь Хо Яня, гнедой жеребец, звался Яростный Ветер, был он породистым скакуном и мог преодолевать тысячу ли в день.

Хо Янь прошёл по галерее мимо него, направляясь вперёд.

Мэн Цэ громко сказал: «Советую тебе не входить.»

Хо Янь остановился.

«Давить слишком сильно — не лучшая идея. Нужно оставить человеку немного пространства,» — Мэн Цэ покачал кувшином с вином. — «Выпьешь?»

Хо Янь подумал, затем вернулся и сел рядом с Мэн Цэ, взял кувшин и залпом сделал несколько глотков.

Мэн Цэ сокрушённо воскликнул: «Ну хватит, хватит! Оставь хоть немного мне!»

Хо Янь:...

Мэн Цэ выхватил кувшин и допил его до конца, затем с лёгкой икотой замолчал, глядя на старую сливу во дворе.

Долгое время они молчали, и лишь затем Мэн Цэ, с лёгкой хрипотцой в голосе, произнёс: «Всё закончилось?»

Хо Янь кивнул: «Остались лишь мелочи, вопрос времени.»

Мэн Цэ сказал: «Если понадобится помощь, дай знать.»

Хо Янь ответил: «Договорились.»

Их разговор был краток, словно они ничего не сказали, но в то же время словно сказали всё. Они познакомились в юности, характерами сошлись, знали, что каждый из себя представляет. Некоторые вещи не нужно было проговаривать — они и так понимали друг друга. Оба были князьями, оба неглупы, знали, какие проблемы могут возникнуть и как их лучше решать. Они доверяли друг другу, не сомневались в способностях друг друга. Могли где-то не сходиться во взглядах, могли даже подраться, но в трудную минуту были готовы пойти на всё.

Как странно: тот узел был так глубок и тяжёл. Пока его не развязали, они не могли смотреть друг на друга без раздражения, но стоило всему проясниться — и прежние споры казались глупостью. Что тут было такого, чтобы так переживать?

Но годы прошли, и они уже не были теми юношами, что громко заявляли о своих амбициях. Их дружба не нуждалась в постоянных разговорах, молчание не вызывало неловкости.

Два князя сидели снаружи в тишине, атмосфера была странной, совсем не такой, как в комнате.

Дверь была открыта, и смех Гу Тина и Мэн Чжэня доносился оттуда. Рысёнок, которого они дразнили, то ворчал, то ложился на спину, выпрашивая ласку, то носился вокруг. Воздух был наполнен теплом и жизнью, словно впитал в себя всю радость мира, заставляя задерживаться в этом моменте.

В какой-то момент оба князя повернулись, перестав смотреть на старую сливу, и устремили взгляд на двоих в комнате.

Мэн Цэ видел, как его младший брат, глуповатый и милый, радовался, а Гу Тин помогал ему подружиться с рысёнком, показывая, как его гладить. Мэн Чжэнь был в восторге, твердил, какой он милый, но, вероятно, не осознавал, что сам, с круглыми глазами и розовыми щеками, выглядел ещё милее, чем этот зверёк, и вызывал желание обнять его.

Но этого нельзя было делать.

Долго наблюдая за этим, Мэн Цэ с лёгкой горечью произнёс: «Ты не представляешь, как я тебе завидую.»

Хо Янь отозвался: «Да.»

Мэн Цэ опустил взгляд, скрывая бурю эмоций в глазах: «То, что у тебя есть, другие мечтают получить всю жизнь, а ты даже не ценишь этого.»

Хо Янь смотрел на Гу Тина, который улыбался так искренне и радостно, и ему стало ещё горше: «Как я могу не ценить...»

Он просто не знал, как это ценить.

Обнимая какого-то зверька, тот так радовался, а тут был живой человек, и он не мог сравниться с этим маленьким существом...

Он понимал, что совершил огромную ошибку, разозлил Гу Тина, сказал те ужасные слова, заставил его плакать, и теперь всё это не так просто исправить. На его месте он бы тоже не смог простить.

На этот раз никакие серебряные рыбки, золотые мышки или жемчужины не помогут...

Но как бы ни было грустно, время расставания настало.

Мэн Чжэнь шёл, оборачиваясь через каждые три шага, глаза его покраснели. Сам он тоже был расстроен, обнимая рысёнка и не желая отпускать, и даже зверёк, казалось, почувствовал грусть, мяукал жалобно и ласково, словно умоляя остаться.

Если бы всё так продолжалось, никто бы не смог сдержать слёз.

Не оставалось выбора. Мэн Цэ подошёл, накинул на брата толстый плащ, закутал его с головы до ног, а затем поднял на руки и понёс к выходу.

Даже неся на руках человека, он шёл уверенно, словно Мэн Чжэнь не весил ничего, и легко сдерживал его попытки вырваться.

Мэн Чжэнь, хоть и не мог вырваться, всё равно пытался — ему было стыдно, такая сцена была слишком унижительной! Он покраснел до корней волос: «Брат же говорил, что я уже взрослый и меня нельзя носить на руках!»

Мэн Цэ с лёгкой хрипотцой ответил: «Сегодня исключение.»

Этот маленький плакса был слишком трогательным... он не мог устоять.

«Пойдём домой, хорошо? Повариха написала, что всё уже готово, есть твои любимые жареные бараньи рёбрышки.»

Мэн Чжэнь слабо кивнул: «Да.»

Мэн Цэ продолжил: «Есть твои любимые закуски, и специально приготовленные жареные семечки с маринованными сливами.»

Мэн Чжэнь: «Да.»

Мэн Цэ улыбнулся: «Твоя новая одежда готова, красная, праздничная.»

Мэн Чжэнь: «Да.»

Мэн Цэ добавил: «В швейной сказали, что и мне сшили такой же костюм, тоже красный.»

Мэн Чжэнь тут же поднял голову, круглые глаза загорелись, и он прикрыл рот рукой: «Да, да!»

Мэн Цэ посадил брата на коня, дал знак, и охрана развернулась веером, унося их в снежную бурю, пока они не исчезли из виду.

Под навесом, где снег кружил снаружи, а внутри было тепло, Хо Янь и Гу Тин стояли друг напротив друга, не двигаясь ни вперёд, ни назад.

Гу Тин не игнорировал Хо Яня, не был невежлив. Он с улыбкой поклонился, изящно и сдержанно: «Князь, здравствуйте.»

Если бы тот стал дуться, злиться, игнорировать его, даже обругать или ударить — Хо Янь всё стерпел бы. Но такое поведение... он чувствовал себя неуверенно, не зная, что думать.

«Ты уезжаешь?» — после долгого молчания он смог задать только этот вопрос.

Гу Тин улыбнулся: «Именно так. Цзююань — не мой дом, здесь слишком холодно, с утра до вечера нет тепла, я не могу к этому привыкнуть. Дома лучше.»

Каждое слово будто ранило Хо Яня. Не его дом, слишком холодно, с утра до вечера нет тепла, никто его не согревает, он не может привыкнуть...

Гу Тин не любил такую напряжённую атмосферу и добавил: «Я сейчас собираюсь, дома везде беспорядок, поэтому не буду приглашать вас внутрь.»

Хо Янь сжал губы: «Мне всё равно.»

«Но мне нет,» — Гу Тин улыбнулся ещё изящнее. — «Всё же это не подобает гостеприимству, прошу прощения.»

****Бам!****

Хо Янь внезапно вспыхнул, его кулак с силой ударил в стену, загоня Гу Тина в узкое пространство: «Я для тебя даже не друг?»

Мэн Чжэнь мог войти, Мэн Цэ мог войти — почему он не может?

Он только гость?

Пространство было слишком узким, дыхание Хо Яня почти касалось его щеки, и почему-то сердце Гу Тина забило сильнее. Снег за окном был таким тихим, таким холодным, но это не могло погасить тепло в его груди и огонь в глазах Хо Яня.

«Князь, что вы говорите...»

<http://bllate.org/book/16279/1466422>